Рустем и Зораб: Рустем

Category: Kitapcy,Poemalar
написано kitapcy | 25 января, 2025
Рустем и Зораб: Рустем Книга десятая. Рустем

I.

Рустем пришел обратно; той порой
Они уж мертвого покрыли.
Была кругом тройная ночь:
На небесах, в душе отца
И в скинии пустой,
Где так недавно
Душа Зорабова сияла.
Подняв в молчании покров,
При слабом звезд сиянье
Отец увидел
Умершего лицо:
Оно от темноты,
Как бледный призрак, отделялось
Своею смертной белизной;
И холод ужаса в него проник;
Покров на мертвого опять он наложил
И шепотом, как будто разбудить
Заснувшего остерегаясь,
Сказал: «Я часто смерти
Глядел в глаза, и никогда
Мне не было пред нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мне столь прекрасною, как здесь,
На этом образе прекрасном…
Но я теперь дрожу. О горе! горе
Тебе, Рустем! Всей славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладевшей.
Что подвиги твои теперь?

Все прежние последний опозорил.
О милый сын мой, сын моей души!
Такую ль встречу твой отец
Тебе был должен приготовить?
Тебя с младенчества прельщал
Погибельный, неверный призрак;
Рустемовы дела
В твою гремели душу;
Они к отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью, и жизнью было
Упасть на грудь отца… ты на нее упал,
Но об нее расшибся; ты насильно
В мои объятия ворвался —
И был в них задушен.
Тебе я, как врагу, дивился,
Завидовал… слепой безумец!
Обманом я разжалобил твою
Бесхитростно-доверчивую душу,
Чтоб у тебя украсть из рук
Остаток дряхлой жизни,
Мне самому теперь презренной,
И чтоб потом разбойнически младость
Твою убить в союзе с темной силой.
И наконец я за тебя, мой сын,
Пошел на стыд и униженье,
Пошел упасть к ногам надменным шаха,
Но тем от рук железных смерти
Тебя не спас я… О! пусть будет этот стыд
Мирительной уплатою за все,
Что сотворил тебе в обиду
Отец твой… так решили звезды;
Я возмечтал до неба вознестися —
И было мне, в урок смиренья, небом
Ниспослано сыноубийство».

II.

Так сетовал Рустем во тьме ночной,
И все вожди и все вельможи,
С ним вместе сетуя, сидели
Кругом его, забывши о вечерней
Трапезе. Их Рустем
Не замечал; он мертвыми очами
На сына мертвого глядел
И, роковую стиснув
В руках повязку, так
Ей говорил: «Ты, золотая,
Холодная, коварная змея!
Ты сокровенностью своею,
Как жалом смерти ядовитым,
И сыну грудь пронзила
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты вовремя сама разорвалася
И выпала передо мною
Из-под одежды роковой!
Зачем, зачем так осторожно
Тебя таил он на груди?
Зачем и ты сама ему
Так крепко обнимала грудь?
Увы! зачем и я с такою
Неумолимостью отвергнул
Его горячие молитвы?
Зачем я так безжалостно покинул
Мою жену и вести никакой
Ни о себе ей не давал,
Ни от нее иметь не мыслил?
О! для чего она сама
С такой упорностью таила
Рожденье сына от меня?
А ты, мой конь, мой верный Гром!
Ты первая всему причина:
Зачем меня ты спящего оставил,
И в руки туркам отдался,

И тем дорогу указал мне
К погибельному Семенгаму?
Когда б туда я не входил —
Я никому не даровал бы,
Ни у кого б не отнял жизни.
Ах! конь мой, конь мой, в черный день
Меня понес ты на охоту —
В добычу нам досталася Беда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отныне ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую».

III.

Так сетовал во тьме ночной Рустем.
Настало утро. Сам тогда
Явился шах. Рустему
Хотел сказать он слово утешенья,
Чтоб свой отказ жестокий оправдать;
Но было холодней мороза
Его бесчувственное слово.
«Зачем, — он говорил, — ты здесь,
Ирана пехлеван великий,
Лежишь в пыли и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой —
Хотя б могли с подошвы гору сдвинуть
Или шатер небесный повалить
На землю — не воротим
Ни одного ушедшего с земли.
За нашей жизнью — дичью легконогой —
Гоняется охотник смерть;
Проворна жизнь, но смерть проворней;
Она ее догонит наконец:
Последний час всегда врасплох нас ловит.
Я сам издалека´дивился

Его великой силе,
Его плечам широким,
Его могучим членам
И исполинской красоте;
И думал я: не уроженец
Турана этот богатырь;
В нем кровь царей. Но мог ли кто из нас
Подумать и во сне,
Чтоб был он сын Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
В Иране от руки отца?
Теперь ему не нужен боле
Мой жизненный бальзам; но дорогими
Я ароматами покрою
Его безжизненное тело;
Великолепным погребеньем
Его почту и в нем тебя, великий
Ирана пехлеван; и будет в Истахаре
Надгробный памятник ему
Из золота и мрамора воздвигнут.
Теперь мне дай лицо его увидеть».

IV.

Так говоря, он подошел,
Чтоб мертвому лицо открыть, но тяжкой
Рукой прижал к лицу покров Рустем;
И, головы не подымая, шаху
Сказал он: «Видеть Кейкавус
Рустемова не будет сына. Удались,
Державный царь; окончен пир, гостям
Здесь места боле нет; а сына сам я
Похороню. Туранское же войско
Пускай назад пойдет свободно:
Его душа исчезла. Также
И ты, могучий Кейкавус,
Не медли здесь; иди в свой Истахар

И расскажи, когда там будешь,
Какую легкую победу
Здесь одержал и как разбито было
Здесь войско целое, когда убил я сына.
Идите все; меня здесь одного
С моим оставьте сокрушеньем».
Он замолчал и от покрова
Руки не отнял, головы не поднял
И не взглянул на шаха; на земле
Близ сына он лежал, не отводя
От мертвого очей. Оборотясь
К вельможам и вождям, сказал
Им Кейкавус: «Его желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видеть,
Как сетует Ирана пехлеван, —
Но мы ему помочь не в силах; он желает
Остаться здесь один; пойдем». И шах
Пошел; и все пошли за ним,
Храня молчание; и в поле
Рустем один остался с мертвым сыном.
И вскоре все пришло в движенье войско;
Шатры попадали, и стан исчез —
Как будто мир какой великий
Разрушился. И все заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремели,
В обратный путь пошли дружины.

V.

С земли поднявшися от сына,
Рустем увидел вдалеке
Лишь только пыль, подъемлемую войском
На крае небосклона; поле,
Где был разбит иранский стан,

Уж было пусто, одиноко
Среди его стоял зеленый
Шатер; а в стороне шатры Сабула,
Где полководствовал Зевар.
Рустем, к себе призвавши брата,
Ему сказал: «Теперь всему конец.
Иди, Зевар, и от меня
Турану мир с Ираном объяви.
Хеджиру возврати свободу
И власть ему вручи над Белым Замком,
Примолвив: «От Зораба
В награду за твою правдивость».
Потом ты скажешь Баруману:
«Зораб тебя за добрые советы
И за любовь к царю Афразиабу
Отсюда с миром отпускает».
И сам его до рубежей Турана
С отборною сабульскою дружиной
Потом ты проводи; когда ж проводишь,
В соседний город Семенгам
Поди и дочери царя
Темине эту золотую
Отдай повязку; но смотри,
Чтоб кровь с нее не стерлась:
То матери единственный остаток
От сына. Также ей отдай
И все Зорабовы доспехи —
Пускай они печаль ее насытят;
А ты, увидя, как она
Без утоленья будет плакать,
И рваться в судорожном горе,
И сына тщетно призывать, —
Скажи в отраду ей, каким
Меня ты здесь оставил…
Ты день пробудешь в Семенгаме;
Потом сюда о ней живую весть
Мне принесешь. Иди ж немедля;

Я день и ночь тебя здесь буду ждать.
Когда же возвратишься,
Свое сокровище тебе я вверю,
И ты его в Сабулистан
Отсюда с честью понесешь,
Рустемовым сопутствуемый войском».

VI.

Немедленно Зевар пустился в путь.
Тогда сказал оставшимся Рустем:
«Принесть сюда зеленый мой шатер!
От места, на котором мною
Был сын убит, я не пойду.
Но он живой хотел, чтобы над ним
Стоял шатер отца — пускай над ним и мертвым
Стоит он». И шатер воздвигся
Над юношей, спокойно погруженным
В непробудимый смерти сон.
Его отец на пурпурный ковер,
Меж ароматов благовонных,
Своими положил руками,
Накрыл парчой, потом всего
Цветами свежими осыпал —
Так, окруженный прелестями жизни,
Он там лежал, объятый хладной смертью.
Потом Рустемом похоронный
Был учрежден обряд:
Соединив перед шатром
Всю рать Сабулистана,
Он повелел, чтоб каждый день она —
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце, —
Торжественно, в порядке боевом,
Знамена распустив,
При звуке труб, с тимпанным громом,
В сияющих доспехах проходила

Перед шатром; и были гривы
Коней обстрижены; тимпаны
И трубы траурною тканью
Обвиты, луков тетивы
Ослаблены, и копья остриями
Вниз опрокинуты. Рустем
Не ехал впереди; над сыном
Сидел он, скорбию согбенный,
И с мертвым, как с живым,
Беседу безответно вел.
Он утром говорил:
«Зораб, мой сын,
Звучит труба… ты спишь».
А вечером он говорил:
«Зораб, мой сын,
Уж землю солнце покидает;
И ты покинешь скоро землю».
Так девять суток он провел
Без сна, без пищи,
Неутешимой преданный печали.

VII.

В одни из этих суток — был уж близко
Рассвет зари — как неподвижный
Железный истукан, сидел
Рустем во глубине шатра
Над сыном, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холодным полусветом
Едва начавшегося утра
Чуть озаренное пустое небо
Меж ними было видно… вдруг
На этой бледной пустоте
Явился белый образ; от нее
Он отделился и бесшумно,
Как будто веющий, проник

В шатер… то был прекрасный образ девы.
Увидя мертвого, она
У ног его простерлася на землю
И не вставала долго,
И слышалось в молчанье ночи
Ее рыдание, как лепет тихий
Ручья. С земли поднявшись,
Она приблизилася к телу
И, сняв с лица покров,
Смотрела долго
На бледное лицо,
Которым (безответно
На все земное) обладала смерть:
Зажаты были очи, немы
Уста, и холодно, как мрамор,
Чело. Она его в чело, уста и очи
Поцеловала, на голову свежий
Венок из роз и лавров положила,
Потом, лицо опять одев
Покровом, тихо удалилась
И в воздухе ночном,
Как будто с ним слиянная, пропала.
И стало пусто
Опять в шатре, лишь на востоке
Багряней сделалося небо,
И одиноко там горела
Денницы тихая звезда.
Рустем не знал, что виделось ему;
В бессонном забытьи сидел он
И думал смутно: это сон.
Когда ж при восхожденье солнца
Он снял с умершего покров,
Чтоб утренний привет свой
Ему сказать, — на голове его
Увидел он венок из роз и лавров.

VIII.

В десятый день из Семенгама
Зевар с дружиной возвратился.
Вступив в шатер, увидел он,
Что там сидел над мертвым сыном
Рустем, приникнув головою
К его холодному челу, –
И волосы его седые
Лежали в диком беспорядке
На бледных мертвого щеках.
При входе брата приподнял
Он голову. Зевар
На тело молча положил
Окровавленную повязку.
При этом виде содрогнувшись,
Рустем спросил: «Зачем, мой брат Зевар,
Принес назад мою повязку?»
Зевар ответствовал: «Там никому
Она уж боле не нужна». Поняв
Значенье этих слов, в молчанье
Прижал опять лицо свое Рустем
К челу Зораба. И никто
Не смел его ужасного покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, с зарей поднявшись,
Все войско стало в строй, Рустем,
Всю ночь без сна проведши
Над сыном, так сказал Зевару:
«Зевар, мой брат, теперь шатер зеленый
Над головой моею опрокиньте
И от меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Его коня». Когда же конь
Был приведен, – как будто от недуга
Шатаясь, сокрушенный, бледный,
Он вышел из шатра…
И он заплакал взрыд,
Когда коня без седока

Перед собой увидел. Полы
Шатра отдернув,
На господина мертвого коню
Он указал. В шатер взглянувши быстро,
Могучий конь оторопел,
Его поникла голова,
И до земли упала грива.
Обеими руками
Обнявши голову его, Рустем
Ее поцеловал, потом
Коню, сложив с него узду,
Сказал: «Отныне никому
Ты не служи, Зорабов конь;
Ты волен». Понял конь разумный
Его слова: он жалобно и грозно
Заржал, ужасно прянул
Вбок от шатра, и вихрем побежал,
И скрылся — и его с тех пор
Никто нигде не встретил.
Рустем, оборотяся к брату,
Ему сказал: «Тебе, мой брат Зевар,
И войску моему я сына
Передаю; в Сабулистан
Несите сына моего;
Там на кладбище царском,
Где я охотно лег бы, если б мог
Тем пробудить его от смерти,
Пусть будет с предками своими
Он в землю положен.
А нашей матери, так часто
Желавшей внуков от Рустема,
Скажи, Зевар, что я прислал ей внука,
Что в красоте души и тела,
В отважности и в силе богатырской
Ему подобного земля
С созданья не видала;
Что был бы он во всем по сердцу ей,

Когда б в нем только одного
Порока не было — кинжала,
Ему во грудь вонзенного отцом.
Идите. Я останусь здесь —
Зачем останусь? Что со мною будет?
О том узнать никто не любопытствуй.
Поклон прощальный от меня
Отдайте царству и народу.
Тебе, Зевар, я поручаю
Мое исполнить завещанье; сам же
В Сабул я не пойду: я не могу увидеть
Ни матери, ни сродников, ни ближних; здесь,
В пустыне, самого себя
Хочу размыкать я и змéя —
Грызущее мне душу горе —
Убить. То будет мой последний,
Мой самый трудный подвиг: змей
Свиреп, он дышит пламенем и ядом.
Идите ж; добрый путь вам, будьте
Все счастливы и не крушитесь,
Что, вслед за мной сюда пришедши,
Назад пойдете без меня,
Так должно быть. Простите;
Когда же о Рустеме
Там станут говорить и спросят:
Куда пошел Рустем?
Ответствуйте: не знаем».

1846–1847 гг.

Вольное переложение перевода Фридриха Рюккерта «Rostem und Suhrab, eine Heldengeschichte in zwölf Büchern». Poemalar